

УДК 316

DOI: 10.25730/VSU.7606.19.018

Судьба этосов в условиях модернизации российского общества

А. П. Павлов¹, П. А. Павлов²

¹кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, Сибирский федеральный университет. Россия, г. Красноярск. E-mail: pavloff56@list.ru

²кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, Сибирский федеральный университет. Россия, г. Красноярск. E-mail: savel-b@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена этосам современного российского общества в условиях его модернизации. Авторы исходят из того, что успех модернизации обусловлен не только развитыми современными технологиями, квалифицированным менеджментом, высоким научным, научно-техническим потенциалом страны.

Гарантией успеха является готовность членов общества к радикальным изменениям, затрагивающим все сферы общественной жизни и их способность участвовать в этом процессе в качестве акторов. Акторами выступают не только непосредственные агенты модернизации, но и слои общества, которые настроены на изменения, доверяют реформаторам, делегируют из своей среды активных участников и лидеров модернизационных процессов.

Ключевая идея статьи состоит в том, что именно этосы образуют, конституируют ту питательную среду, в которой формируются акторы модернизации. Обосновывается идея о том, что этосы выступают в качестве важнейшего компонента модернизации российского общества.

Авторы анализируют наиболее известные подходы, концепты и определения этосов в научной литературе, излагают собственную трактовку данного понятия. Под этосами авторы понимают особые поведенческие комплексы, непосредственно не связанные с социальными системами. При этом они обладают собственной архитектоникой: «этосным» пространством (община, школа, университет), формами солидарности (дружба, братство), собственными акторами и референтными группами, поведенческими ритуалами и т. д.

Выделяются и описываются характерные особенности современных российских этосов, факторов и условий их существования, а также их участия в модернизационных процессах. В данной статье предпринята попытка раскрыть основные причины «затухания» этосов в России и негативные последствия для модернизации. Разумеется, рассматриваемая авторами статьи проблема исключительно сложна и малоизучена. В статье затронуты лишь некоторые ее аспекты.

Ключевые слова: социальные этосы, модернизация, социальный порядок, социальное воспроизводство («автопойезис»).

Сегодня очевидно всем: у модернизации в России нет альтернативы. Модернизация – не только способ и возможность догнать или хотя бы приблизиться к передовым странам, которые в технологиях, в развитии наукоемких производств далеко ушли вперед. Модернизация – безальтернативный способ существования общества, страны, людей в современных условиях.

Очевидно, что темпы модернизации в России и, главное, ее результаты не отвечают в полной мере запросам общества и ее граждан. Россия по-прежнему не может на равных конкурировать с передовыми странами в областях высокотехнологических производств за исключением производства военной и космической техники.

Причины не слишком убедительных результатов модернизации обсуждаются в научных кругах, политиками, простыми гражданами. В частности, ученые обращают внимание на такие сдерживающие факторы модернизации, как коррупция, укоренившаяся во всех сферах производства и жизнедеятельности людей, и разрастающаяся бюрократия. Называются также внешнеполитические факторы: напряженные отношения России с Западом, санкции, необходимость колоссальных затрат на оборону и т. д.

Все названные аспекты модернизации хорошо осведомлены и не нуждаются в дополнительной рефлексии.

И все же в изучении природы и способов модернизации можно выделить несколько подходов. В основе первого подхода лежит установка «технологического детерминизма», получившая развитие в 60-е годы XX века (Д. Белл, Дж. Гэлбрейт, А. Тоффлер и др.).

Технологии и техника и связанные с ними институты образования, науки, управления являются условием развития социума. Более того, техника, технологии, образование, наука

конституируют новый тип социума, новый тип социального воспроизводства («автопойезиса») и его акторов, новый тип мышления и коммуникации.

Другой подход, характерный для современных социально-политических исследований западно-либерального направления, связывает модернизацию в России и других странах с процессами демократизации, развитием гражданского общества, с переориентацией стратегий общественного развития с коллективистских и патерналистских паттернов и парадигм на индивидуалистские, либеральные [3].

Безусловно, следует отметить работы, посвященные влиянию процессов модернизации на общественную жизнь различных групп населения, включая социально незащищенные и недостаточно адаптированные слои населения. Это особенно относится к развивающимся странам, к странам, в которых процессы модернизации в силу своего революционного характера, опережают процессы социальной адаптации данных слоев, особенно пожилого населения [12]. Безусловно, следует отметить возможные негативные гуманитарные и антропологические последствия модернизации как на уровне малых общностей, так и отдельного человека [17].

И здесь можно назвать адептов «пессимистического» и «оптимистического» взглядов на последствия модернизации. Первые отмечают крайне негативные последствия модернизации на общественную жизнь «простых людей». Другие исследователи полагают, что модернизация, сопровождаемая широкой и последовательной демократизацией всех сфер общественной жизни, приведет (и привела уже в ряде стран) к разрешению экзистенциальных проблем, в частности проблем экзистенциальной безопасности [4].

По мнению ряда исследователей, именно освобождение от диктата авторитарной и патерналистской зависимости, парадигмы социальной исключительности, может привести к успехам как самой модернизации, так и социальной адаптации населения к ее результатам [15; 18].

Еще один подход к изучению модернизации условно можно назвать онтологическим. Данного подхода придерживается ряд зарубежных ученых, в частности известный израильский ученый Ш. Эйзенштадт, который считает традицию неотъемлемым элементом социального порядка [14].

Таким образом, функционирование и воспроизводство общества невозможно без включенности традиций в социальную систему общества.

Игнорирование традиций приводит к «срывам» (breakdowns) модернизационных процессов [14].

Социальные системы и ее институты без опоры на традиции не способны адаптироваться к изменениям и требованиям модернизации [13].

Перспективным направлением в изучении онтологических оснований модернизации можно считать экзистенциальный дискурс в современной социологии. В частности, можно назвать работы Е. Тириакияна. Американский ученый исследует экзистенциальные аспекты социальных процессов [13].

Названные исследователи обращают внимание на негативные «побочные» эффекты модернизации. Некоторые из этих эффектов лежат на поверхности. В том числе разрушение традиционных укладов жизни простых людей, особенно в небольших поселениях, городах, утрата смысловых ориентиров (аномия), люмпенизация определенной части общества.

Модернизация приводит к утрате культурной идентичности, самобытности. С. Хантингтон обращает внимание на то, что «процесс модернизации приводит к однородности» развития цивилизаций [19].

Немецкий социолог Ю. Хабермас предлагает рассматривать преобразование современного общества («модерновое общество») как продолжение (или новую редакцию) «проекта» эпохи Просвещения, в основе которого лежала установка «Мир может быть преобразован на разумных основаниях». Новая редакция модернового проекта – «Мир может быть преобразован на основе эмансипированной (свободной от диктата социальной системы) коммуникации». Однако данный проект не был реализован. Это вызвано предельной рационализацией жизненного мира (термин заимствован у Э. Гуссерля, А. Шюца), подчинению и превращению его в элемент социальной системы, инструментализацией, овеществлением знаний и социальной коммуникации. Все это ведет либо к утрате способности жизненного мира воспроизводить самого себя, либо (что еще хуже) к таким формам самовоспроизводства, которые приводят к организационной патологии, деградации самих социальных систем.

«Жизненный мир на своей собственной основе сможет создать институты, ограничивающие внутреннюю системную динамику хозяйственной и административной систем действий» [16].

В статье вместо вышеупомянутых онтологических понятий (традиции, жизненный мир) используется «этнос». Слово этнос (ethos) не имеет однозначного толкования. Н. Н. Козлова рассматривает этнос как «неписанный кодекс общепризнанных правил поведения сословия, позволяющий человеку вести себя таким образом, что другие люди признают его поведение достойным» [9].

У этноса нет четкого концептуального оформления. Поэтому вряд ли можно рассматривать «этнос» как категорию социальных наук, но как рабочее понятие, как «теорию среднего уровня», как прикладной эпистемологический ресурс «этнос» вполне пригоден. Рассмотрим лишь некоторые подходы к осмыслению природы этноса в рамках социально-философского и социологического дискурсов.

М. Вебер использовал данное понятие для экспликации ценностной направленности деятельности человека. Эта ценностная направленность детерминирована религиозной принадлежностью индивидов, сообществ [5].

М. Шелер трактовал этнос как этическое самоопределение человека, соотношение его внутреннего мира с объективным миропорядком посредством любви [2].

М. Оссовская использовала данное понятие как синоним образа жизни, исторически сложившуюся и оформившуюся в виде ритуалов и обычаев базовую систему ценностей [11].

Современный исследователь А. И. Пригожин исследовал этнос как систему норм и ценностей, которые непосредственным образом вплетены в институциональные практики социального воспроизводства и управления [7].

Р. Мертон рассматривал этнос как институциональные императивы, регулирующие поведение людей в коллективах, в том числе научных [8].

Наиболее удачным, на наш взгляд, следует считать определение этноса В. И. Бакштановского и Ю. В. Согомонова. Ученые рассматривают этнос как онтологическое понятие, отличая его от моральных норм, образцов, императивов. Этнос, по мнению ученых, есть область «реально-должного». Эта сфера обладает известной автономией по отношению к императивам, исходящим от «идеально-должного» порядка моральных императивов, устанавливаемых и контролируемых социальной системой [6].

У этноса есть собственная архитектоника. Употребление слова «архитектоника» вместо слова «структура» применимо к этносу неслучайно. Этнос организован, но его организация отлична от организации социальных систем. Этнос не есть социальная система. Более того, этнос не есть часть системы. Но этнос есть то, без чего никакая социальная система не может существовать.

Дело в том, что природа этноса двойственная. Этнос «пребывает» на границе между экзистенцией и социетальным миром (социальной системой). Он вбирает в себя, сосредоточивает в себе и упорядочивает экзистенциальную энергетику людей, превращая в трансцендентальные формы бытия как присутствия в мире. И в то же время этнос соединяет экзистенциальное бытие с социетальным миром идеально-должного.

Итак, этнос – это то, что дает возможность индивиду включаться в совместный-с-другими мир. Мир, разделяемый с другими, есть собственный мир человека. Слово «собственный» является ключевым. Оно означает, что мир является одновременно предметом общей заботы и в то же время предметом заботы каждого.

Этнос – это «дом», в который каждый человек всегда должен возвращаться. «Дом» есть нечто большее, чем физическая территория. Это естественная совместность бытия-с-другими на основе принимаемых «по умолчанию» правил общежития.

Этнос – система устойчивых горизонтальных связей между акторами, которые не просто в них включены, но непосредственным образом их воспроизводят. Создается эффект двойного воспроизводства («автопойезиса»): люди воспроизводят непосредственную социальную среду («сеть»), которая их же и воспроизводит.

Например, образовательный этнос непосредственно продуцирует знания и носителей знания (учеников, студентов). Но он образует комфортную консолидированную, адаптированную для обучения среду, которая непрерывно воспроизводится самими учащимися и их учителями и которая формирует их самих.

Рамки статьи не позволяют более обстоятельно рассмотреть «архитектонику» этносов современного российского общества. Отметим лишь некоторые самые общие ее характеристики.

1. Этносы образуют собственные солидарные сообщества, связи, поддерживаемые неформальными связями (дружба, братство), ритуалами (инициации).

2. Этнос – это то, что определяет границы подлинного (собственного) бытия, наполненного смыслом. Этнос есть «дом», в который всегда надо возвращаться.

3. У этоса собственное онтологическое настроение, собственная коллективная интенциональность, обусловленные общей заботой о совместно разделяемом мире.

В этосе нет элементов (конструктов), из которых складывается целое. В этосе нет иерархии и нет субординации. В этосе каждая участвующая единица самодостаточна.

Именно этосы формируют онтологический ресурс: ресурс воли и желания большей части членов общества жить в данном обществе, поддерживать, защищать его порядок, поскольку он воспринимается его как собственный порядок. «Люди этоса» – не просто социальные агенты, проводники чьей-то воли. Они социальные акторы, творцы собственной жизни. Под «социальным этосом» мы понимаем не только наборы этических норм, нравов, традиций, поведенческих кодексов, но также институциональные условия их актуализации.

Под «этосами» авторы понимают особые поведенческие комплексы, непосредственно не связанные с социальными системами. При этом они обладают собственной архитектурой: «этосным» пространством (община, школа, университет), формами солидарности (дружба, братство), собственными акторами и референтными группами, поведенческими ритуалами и т. д.

Какова судьба социальных этосов в России? И как она отражается на процессах модернизации в России?

1. Разрушение традиционных этосов, особенно малых городов и деревень. Вместе с ними разрушаются, деградируют многие социальные ландшафты (деревни, небольшие города, поселки), в которых сосредоточивалась социальная и культурная жизнь, стареет и уезжает население, особенно молодежь. Значительная часть молодежи не связывает свою судьбу с малой родиной.

2. Появление новой парадигмы социального воспроизводства («автопойезиса»), основанной на установке: социальный мир произведен от социального субъекта, вооруженного современными технологиями, прежде всего информационными. Адепты данной парадигмы не рассматривают этосы, традиционные ценности и их носителей (традиционные солидарности) в качестве акторов социального воспроизводства. В качестве таковых выступают экспертные группы, мобильные солидарности, «неоплемена» (М. Маффесоли), даже объекты, которые наделяются качеством акторов (актанты Б. Латюра).

Как пишет Б. Хюбнер, «автономия современного человека и отказ от должного в пользу человеческих желаний очистили традиционное общество от шлаков коллективно исповедуемых ценностей, передававшихся по наследству, и превратили его в современное целевое общество» [1].

3. «Колонизация» этосов административными институтами. Административная система создает собственные «офисные» правила, коды функционирования, «вынося за скобки» этосы, корпоративный дух этосов. Следствие – необузданная бюрократия, которая клонирует саму себя.

4. Адаптация этосов. Этосы приспособляются к условиям модернизации, создавая и непрерывно воспроизводя иллюзию участия в ней.

Происходит образование «параллельных» этосов и «магических корпораций», которые их поддерживают. Такие этосы вполне могут замещать административные структуры или оказывать на них давление. Зачастую параллельные корпорации образуют симбиозы, сети неформальных связей, неписаных правил, кодексов поведения. «Магические солидарности» существуют на негласном коллективном договоре («круговой поруке»). Его суть: безоговорочное подчинение принятым нормам, ритуализм, преданность авторитетам, лидерам, крайние формы традиционализма, трайбализма, протекционизма, нетерпимости ко всему новому и т. д.

5. Возрождение здоровой корпорации, основанной на принципах доверия. Конечно, искусственно создать среду доверия невозможно. В этом смысле никакие даже самые передовые педагоги, менеджеры не помогут. Доверительная среда – это место, куда человек всегда будет стремиться вернуться. Речь идет об особом «анонимном доверии», когда человек совершает работу без всякого давления извне.

Слово «возрождение» (вместо «создания») этической корпорации неслучайно. В России и в СССР накоплен колоссальный позитивный опыт корпоративной солидарности. Можно вспомнить, например, знаменитые дореволюционные русские артели или научные сообщества Академгородков в СССР.

6. Конечно, современные реалии XXI века иные. Появилось поколение Z. Современные этосы – этосы «сетей». И эти этосы вполне жизнеспособные. У них свои корпорации, свои кодексы, своя «этика». Поколение XXI века более мобильно, ориентировано на инновации. «Сетевые солидарности» не стационарны, идеологически не «загружены». Но при этом корпоративные связи действенны и эффективны.

Изучение виртуальных «сетевых» этосов, механизмов их включенности в современные модернизационные процессы – тема для отдельного исследования.

Таким образом, успех модернизации обусловлен не только развитыми современными технологиями, квалифицированным менеджментом, высоким научным, научно-техническим потенциалом страны. Безусловно, правы исследователи, которые обращают внимание на связь между демократическими преобразованиями в обществе и процессами модернизации. В то же время в современных исследованиях, посвященных анализу модернизации в России, мало внимания уделяется «несистемным» ресурсам, в частности этосам, которые не только позволяют легче адаптироваться населению (особенно социально и экзистенциально слабо-защищенному) к ее социальным последствиям, но и формировать моральный (ценностный) капитал человека как актора самой модернизации.

Список литературы

1. Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В. Прикладная этика: опыт университетского словаря : учебное пособие / В. И. Бакштановский, Ю. В. Согомонов. Тюмень : НИИ прикладной этики ТюмГНГУ ; Центр прикладной этики, 2001. С. 268.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 44–345.
3. Гельман В. Я. Авторитарная модернизация в России: миссия невыполнима? // Мир России. 2017. № 2. С. 38.
4. Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Рональд Инглхарт ; пер. с англ. С. Л. Лопатиной ; под ред. М. А. Завадской, В. В. Косенко, А. А. Широкаковой ; науч. ред. Э. Д. Панарин. Москва : Мысль, 2018. 347 с.
5. Козлова Н. Н. Социально-историческая антропология : учебник / Н. Н. Козлова. М. : Ключ, 1998. С. 76.
6. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. М. : АСТ ; Хранитель, 2006. С. 770–782.
7. Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали / М. Оссовская. М. : Прогресс, 1987. С. 26.
8. Пригожин А. И. Российский этос: обогащение или лечение? / А. И. Пригожин // Общественные науки современность. 2006. № 4. С. 29–40.
9. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40–51.
10. Хюбнер Б. Произвольный этос и принудительность эстетики / Б. Хюбнер. Минск : Пропилеи, 2000. С. 152.
11. Шелер М. Ordo Amoris // М. Шелер. Избранные произведения. М. : Гнозис, 1994. С. 339–377.
12. Chinese older people // Ageing and Society. 2016. № 1 (36). Pp. 133–159.
13. Eisenstadt S. N. Breakdowns of modernization. The Dynamics of Modern Society. New York : Basic Books, 1964. Pp. 434–448.
14. Eisenstadt S. N. Tradition, Change and Modernity. New York : John Wiley & Sons, 1973. Pp. 47–72.
15. Gel'man V., Starodubtsev A. Opportunities and Constraints of Authoritarian Modernisation: Russian Policy Reforms in the 2000s // Europe-Asia Studies. 2016. № 1 (68). Pp. 97–117.
16. Huntington S. P. The change to change: modernization, development and politics. Comparative Modernization: A Reader. New York : Free Press, 1976. Pp. 25–60.
17. Mattison S. M., Sear R. Modernizing Evolutionary Anthropology // Human Nature. 2016. № 4 (27). Pp. 335–350.
18. Modernisation in Russian Policy Reforms in the 2000s // Europe-Asia Studies. 2016. № 1 (68). Pp. 97–117.
19. Tiryakian E. A. Sociologism and Existentialism: Two Perspectives on the Individual and Society. Englewood Cliffs, N. J., 1962. VII-VIII. P. 31.

The fate of ethos in the modernization of Russian society

A. P. Pavlov¹, P. A. Pavlov²

¹PhD of Philosophical Sciences, associate professor at the Department of Sociological Sciences, Siberian Federal University. Russia, Krasnoyarsk. E-mail: pavloff56@list.ru

²PhD of Historical Sciences, associate professor at the Department of Sociological Sciences, Siberian Federal University. Russia, Krasnoyarsk. E-mail: savel-b@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the ethos of modern Russian society in the conditions of its modernization. The authors believe that the success of modernization is due not only to the development of modern technologies, qualified management, high scientific, scientific and technical potential of the country.

The guarantee of success is the readiness of members of society to radical changes affecting all spheres of public life and their ability to participate in this process as actors. The actors are not only the direct agents of

modernization, but also the segments of society that are committed to change, trust the reformers, delegate from their environment active participants and leaders of modernization processes.

The key idea of the article is that it is the ethos that form, constitute the nutrient medium in which the actors of modernization are formed. The idea that ethos act as the most important component of the modernization of Russian society is substantiated.

The authors analyze the most well-known approaches, concepts and definitions of ethos in the scientific literature, present their own interpretation of this concept. By ethos, the authors understand special behavioral complexes that are not directly related to social systems. At the same time, they have their own architectonics: "ethos" space (community, school, university), forms of solidarity (friendship, brotherhood), their own actors and reference groups, behavioral rituals, etc.

The characteristic features of modern Russian ethos, factors and conditions of their existence, as well as their participation in modernization processes are distinguished and described. This article attempts to reveal the main reasons for the "decay" of ethos in Russia and the negative consequences for modernization. Of course, the problem considered by the authors is extremely complex and poorly understood. The article touches upon only some of its aspects.

Keywords: social ethos, modernization, social order, social reproduction ("autopoiesis").

References

1. Bakštanovskij V. I., Sogomonov Yu. V. *Prikladnaya etika: opyt universitetskogo slovarya : uchebnoe posobie* [Applied ethics: the experience of university dictionary : study guide] / V. I. Bakštanovskij, Y. V. Sogomonov. Tyumen Institute of Applied Ethics. TyumSSHU; Centre of applied ethics. 2001. P. 268.
2. Veber M. *Protestantskaya etika i duh kapitalizma* [Protestant ethics and the spirit of capitalism] // M. Weber. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. M. Progress. 1990. Pp. 44–345.
3. Gelman V. Ya. *Avtoritarnaya modernizaciya v Rossii: missiya nevypolnima?* [Authoritarian modernization in Russia: mission impossible?] // *Mir Rossii* – World of Russia. 2017. No. 2. P. 38.
4. Inglehart R. *Kul'turnaya evolyuciya: kak izmenyayutsya chelovecheskie motivacii i kak eto menyaet mir* [Cultural evolution: how human motivations change and how it changes the world] / Ronald Inglehart; transl. from English by S. L. Lopatina; ed. M. A. Zavadskaya, V. V. Kosenko, A. A. Shirokanova; scientific ed. E. D. Panarin. M. Mysl'. 2018. 347 p.
5. Kozlova N. N. *Social'no-istoricheskaya antropologiya : uchebnyk* [Socio-historical anthropology : textbook] / N. N. Kozlova. M. Kluch. 1998. P. 76.
6. Merton R. *Social'naya teoriya i social'naya struktura* [Social theory and social structure] / R. K. Merton. M. AST; Hranitel'. 2006. Pp. 770–782.
7. Ossovskaya M. *Rycar' i burzhua. Issledovaniya po istorii morali* [Knight and bourgeois. Research on the history of morality] / M. Ossovskaya. M. Progress. 1987. P. 26.
8. Prigozhin A. I. *Rossijskij etos: obogashchenie ili lechenie?* [Russian ethos: enrichment or treatment?] / A. I. Prigozhin // *Obshchestvennyye nauki sovremennost'* – Social sciences and modernity. 2006. No. 4. Pp. 29–40.
9. Habermas Yu. *Modern – nezavershennyj proekt* [Modern – unfinished project] // *Voprosy filosofii* – Questions of philosophy. 1992. No. 4. Pp. 40–51.
10. Huebner B. *Proizvol'nyj etos i prinuditel'nost' estetiki* [Arbitrary ethos and compulsoriness of aesthetics] / B. Huebner. Minsk. Propylaea. 2000. P. 152.
11. Sheler M. *Ordo Amoris* [Ordo Amoris] // M. Sheler. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. M. Gnosis. 1994. Pp. 339–377.
12. Chinese older people // *Ageing and Society*. 2016. No. 1 (36). Pp. 133–159.
13. Eisenstadt S. N. *Breakdowns of modernization. The Dynamics of Modern Society*. New York. Basic Books. 1964. Pp. 434–448.
14. Eisenstadt S. N. *Tradition, Change and Modernity*. New York. John Wiley & Sons. 1973. Pp. 47–72.
15. Gel'man V., Starodubtsev A. *Opportunities and Constraints of Authoritarian Modernisation: Russian Policy Reforms in the 2000s* // *Europe-Asia Studies*. 2016. No. 1 (68). Pp. 97–117.
16. Huntington S. P. *The change to change: modernization, development and politics. Comparative Modernization: A Reader*. New York. Free Press. 1976. Pp. 25–60.
17. Mattison S. M., Sear R. *Modernizing Evolutionary Anthropology* // *Human Nature*. 2016. No. 4 (27). Pp. 335–350.
18. *Modernisation in Russian Policy Reforms in the 2000s* // *Europe-Asia Studies*. 2016. No. 1 (68). Pp. 97–117.
19. Tiryakian E. A. *Sociologism and Existentialism: Two Perspectives on the Individual and Society*. Englewood Cliffs, N. J., 1962. VII–VIII. P. 31.